

АЛЬМАНАХ

Современникъ

в честь 130-летия
со дня рождения Михаила Булгакова

№5 (25) | 2021

Московская городская
организация
Союза писателей России

Малый журнал
с большой историей.
Его зачитали до дыр
несколько поколений!

18+

**Альманах
Лия Бобровская
Альманах «СовременникЪ»
№5(25) 2021 г. (в честь 130-
летия со дня рождения
Михаила Булгакова)
Серия «Альманах
«СовременникЪ» 2021», книга 5**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67078296
СовременникЪ: выпуск 5 (25) (в честь 130-летия со дня
рождения Михаила Булгакова)/составитель Лия Бобровская:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2021
ISBN 978-5-907451-52-0*

Аннотация

Новый выпуск «Современника» посвящен юбилею – 130-летию со дня рождения Михаила Булгакова.

Наследие писателя необычайно многогранно, и все же есть такие стороны его творчества, которые получили наибольшую известность и в первую очередь ассоциируются

с именем Булгакова. Например, наблюдательность, внимание к современной автору жизни. Юмор, не всегда мягкий и добродушный, чаще строгий. Мистика, таинственная и темная сторона реальности, которая далеко не безобидна. Противоположное ей стремление – от тьмы к свету, к небу, к тому, для чего сотворена душа.

Обо всем этом и о многом другом – а также о самом Михаиле Афанасьевиче Булгакове – в новом сборнике «СовременникЪ».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	8
Андрей Белов	10
Бесы. Огни большого города	12
Моисей Бельферман	33
Крымские легенды	36
Медведь-гора	36
Понт Аксинский и Понт Эвксинский	39
Геракл и скифы	43
О героизме Мужчин и непостоянстве	47
Женщин	
Поход Бравлина	52
Внук Ходжи Насреддина	54
Слезный фонтан	61
О савроматах	64
Справедливая, но жестокая Гикия –	68
героиня Херсонеса	
Анна Головина (Анна Войтенко)	77
Тишина	79
Двое	81
Злодейка	82
Акула	84
Бриллиант	85
Другая	86

«Весна, любовь – все в двух словах...»	87
Осень	88
Представь	89
Футбол	90
Крымская весна	91
Вежливые люди	92
Фанатик	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

СовременникЪ: выпуск 5 (25) (в честь 130- летия со дня рождения Михаила Булгакова)

Приложение к журналу «Российский колокол» Московской городской организации Союза писателей России,

Литературный центр Петра Проскурина
Издается с 2019 года

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Предисловие

В этом году отмечается юбилей – 130 лет со дня рождения Михаила Булгакова. Интернациональный Союз писателей празднует это литературное торжество, знаменательное для всех, кому важна русская и мировая литература, новым выпуском «Современника».

Булгаков – писатель неоднозначной творческой судьбы, одновременно счастливой и печальной. Ему, в отличие от многих современников, повезло не попасть под каток репрессий и нередко удавалось прорваться к читателю и зрителю, сказать им свое слово. Но гораздо чаще происходило наоборот – его творчество проходило через жесткую цензуру или громилось критиками, а некоторые произведения, в том числе прославленный роман «Мастер и Маргарита», ни при каких обстоятельствах не могли быть изданы в то время.

Но рукописи воистину не горят. И великая проза Булгакова в свое время нашла своего читателя, а также тех, кто откликнулся на его творчество своим словом. Его таинственные образы пугают и манят, призывая себя переосмыслить, и нужно быть очень осторожным, чтобы не попасть в их ловушки. К сожалению, спастись от них удастся не каждому.

Но где тьма, там и свет, где бесы и демоны – там и то, что им противоположно. Так было в книгах Булгакова, так и в нашем новом сборнике. Не стоит бояться поднять глаза от

земли, полной суеты, а временами кишашей чем-то страшным. Иногда очень нужно посмотреть на небо, подумать о вечном. Хотя и во временном есть особые черты, которые важно увидеть и сохранить. Булгаков об этом знал и потому запечатлевал современную ему жизнь. Как и наши авторы.

Наш сборник не обошелся также без обращения к творчеству и жизни писателя как таковым в довольно необычном контексте. Однако не будем забегать вперед и позволим читателям самим увидеть это и познакомиться с другими замечательными произведениями.

Андрей Белов

Родился в Москве. Окончил МГТУ им. Н. Э. Баумана. Кандидат технических наук.

Много путешествовал по стране и миру. Литературную деятельность начинал с путевых заметок.

Его рассказы и повести широко представлены на литературных сайтах.

Произведения автора посвящены отношениям людей друг с другом и с современным обществом. Рассказы проникнуты болью за наших людей, оказавшихся на изломе истории России. Пишет также в жанрах фэнтези, юмора, мистики, на исторические темы.

Публиковался в Канаде в издательстве Altaspera Publishing, в издательстве Ridero, в издательствах Интернационального Союза писателей и Российского союза писателей.

Член Российского союза писателей и Интернационального Союза писателей.

Бесы. Огни большого города

Спустя время молва гласила совершенно противоположное: одни говорили, что этого не могло быть по причине невозможности быть наяву и полной несуразности по сути; другие охотно верили в то, что все было именно так, как и рассказано.

Местный дворник с неприлично красно-синим носом утверждал, что во всей этой истории нет ничего удивительного, и что он видел чертей не раз, и что от белой горячки сейчас очень даже легко лечат. Лифтерша утверждала, что видела, как черт дважды входил в лифт, но ни разу из него не выходил. Соседка слева рассказывала, что после этого случая лифт на их этаже перестал останавливаться. А сосед выше божился, что лифта в их доме вообще никогда не было, как и самой лифтерши. Участковый подал рапорт по инстанциям, что с того самого дня не может заснуть по ночам, так как из местной лечебницы раздаются крики «Камаринскую!..» и затем нечеловеческое «Не-е-ет!!!», и просил перевести его на другой участок, приписав в конце рапорта: «Навеки Ваш». Сантехник, в свою очередь, объяснял все тем, что, мол, бросают всякую пакость в унитаз – оттого и все безобразия происходят!..

Так или иначе, но все началось еще с ночи.

В центре стоял большой дубовый стол. Впрочем, в центре чего, было непонятно. Уж так водится у нас: раз стол, так обязательно в центре и обязательно чтоб дубовый. Ну, в центре так в центре. Вся картина напоминала Тайную вечерю, вот только за столом сидели... черти. Сколько их, сосчитать было невозможно, оттого что все было как-то неопределенно. В центре всей компании сидел седой черт с чертовски мудрым выражением морды; один рог у старца был обломан. Черти пили водку: наливали стакан за стаканом, не чокаясь и без тостов. Тянули грустную песню: «...а пошла бы я по воду да к реченьке, ах ты, доля моя одинокая, ах, одна я, сиротинушка...» Черти любили хорошую музыку, за которую считали ту, от которой хотелось... либо повеситься, либо, на худой конец, напиться. И если бы не озорные и со злым блеском глаза чертей, то можно было и взгрустнуть, и всплакнуть вместе с ними. Пили, всеми силами изображая дружное застолье. На самом деле каждый из них был сам по себе, и если уж и объединялись когда, то только по необходимости, если обстоятельства того требовали. Впрочем, и пьянеть им не полагалось по природной их натуре. Повод? А не было повода – так, без повода, как и у смертных частенько бывает, – мол, традиция.

Старый черт, что с отломанным рогом, вдруг потрянул головой, огляделся и громко крикнул:

– А не сплясать ли нам? Что мы все о судьбе да о доле нашей чертовой?

Черти не заставили себя долго ждать: повскакивали дружно и, ухватившись за стол со всех сторон, передвинули его, освободив центр.

– «Камаринскую»! – крикнул старый черт.

И все подхватили:

– «Камаринскую», «Камаринскую»!

Черти вступали в центр с «выходом» и с криком «Эх!». Они подскакивали, вертелись, пускались впрысядку, прихлопывали себя по телу в разных местах, а то вдруг пускались вкруговую, на ходу ставя копытца то на пяточку, то на носок. Каждый пытался переплясать других, и оттого, что каждый плясал сам по себе, картина представлялась настоящим шабашем. А уж когда кто-то выскакивал из дико извивающейся толпы вперед и со злобной улыбающейся мордой приветливо разводил лапы широко в стороны, приглашая присоединиться к пляске, и затем снова нырял в самую середину, то у наблюдавшего мурашки пробегали по спине, хотелось укусить чью-нибудь пятку и полностью мутилось в голове.

Уже невозможно было понять не то что где лево, а где право, но и где верх, а где низ. Все смешалось: и «Камаринская», и «Цыганочка», и «Русская», и «Перепляс». Дело было дрянь... что особенно нравилось чертям.

Вдруг все расступились, освободив середину, и стали неистово орать:

– Покажи, старый, как надо, покажи свою, коронную!!!

Старый черт неторопливо, с достоинством, надел на голову косыночку, завязал края под подбородком, взялся указательными и большими пальцами лап за края косынки, растопырил остальные пальцы веером, локти широко развел в стороны и остановился в самой середине, приготовившись.

– «Калинку»! – раздалось со всех сторон.

Тихо и задушевно потусторонний голос, набирая силу, запел:

– Спа-а-ать положи-ите-э вы-ы-и ме-е-э-эня-я-а-а...

Старец пошел по кругу, делая по два шажка то левой ногой вперед, то правой и со значением повиливая и играя бедрами... Поражало, как хорошо он знал и исполнял все телодвижения танца. Видно было, что танец доставлял ему истинное удовольствие. Однако природное его телосложение, данное ему то ли Господом нашим, то ли их сатаной, придавало всему чертовски уродливый вид, но поражало и... захватывало.

Когда же грянул куплет «Калинка, калинка, калинка моя...», старый закружился волчком, держа платочек в вытянутой вверх левой лапе, и все снова бросились плясать. Тут и там из беснующейся своры выскакивали то козлиные ноги с копытами, то волосатые лапы с когтями, и то там, то тут мелькали злые, с безумным блеском, глаза чертей, и слышалось многоголосое:

– Ай-люли-люли...

И вдруг... старый остановился, потупил голову, согнул

в коленке одну ногу и вытянул вертикально другую, на несколько мгновений замер, сделал бедрами несколько резких движений вперед-назад, держась правой лапой за причинное место, и пошел как бы вперед, но на самом деле назад – лунной походкой Майкла Джексона!

Дальнейшее не поддается описанию никакими словами, и можно только заметить, что... пахло луком и квашеной капустой!

– А-а-а-а-а-а!..

Вакханалия была в самом разгаре...

Небо на востоке уже начало светлеть, как неожиданно слышался гул мотора приближающейся машины. Гул приближался быстро и вскоре превратился в настоящий рев, заглушая музыку и вопли чертей.

Вся картина начала блекнуть и таять.

Старый черт перестал плясать, лапы его плетями повисли вдоль тела, и мысли его оборотились в прошлое: «Эка напасть! А ведь было время – на тройках да с колокольчиками», и он произнес:

– Эх, тройка! Птица-тройка... понеслась, понеслась, понеслась!.. Русь, куда ж несешься ты?.. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух...

Наконец рассеялся в предутреннем тумане и старый черт.

Петя очнулся в то прекрасное предутреннее время, когда случайно проснувшиеся граждане с удовольствием поворачи-

чиваются на другой бок и снова засыпают. Звезды уже гасли, но были еще вполне различимы. Тишина была пронизана той первозданной красотой и гармонией, которая бывает, когда рождается новый день.

Он попытался сконцентрировать взгляд, но все вокруг было расплывчато и зеленоватого цвета; почему-то было сыро только справа, как будто он попал под дождь только правым боком и промок им, этим самым боком, насквозь. Впрочем, он быстро сообразил, что лежит именно на правом боку. Голова сильно болела, во рту было сухо и противно. Вода была рядом, под боком, и он, недолго думая, хлебнул холодной полным ртом. Вода была странного вкуса, отдавала тиной и бензином. Не успев проглотить, молодой человек вдруг почувствовал некое шевеление во рту и сразу же выплюнул все, что хлебнул. Что-то серо-зеленого цвета шлепнулось рядом с его лицом и, недовольно квакнув, исчезло из поля зрения. Однако пить все же хотелось, и он осторожно втянул в себя воду, сложив губы трубочкой, подождал, не зашевелится ли опять, и... проглотил. Замерев, он с блаженством ощущал, как животворящая влага, проникая во все члены тела, возвращала их к жизни.

Придя немного в себя, Петр снова попытался сконцентрировать взгляд и опять увидел зеленоватую пелену. Это зеленоватое было настолько близко от него, что навести на резкость глаза было никак невозможно.

«Да где же я, черт побери?» – в сердцах подумал он.

– Ну не надо, не надо так нервничать, уважаемый... Петр Сергеевич. Вы, любезнейший, в канаве, – раздался дружеский и располагающий к себе голос.

– Как это – в канаве? Опять? – растерянно и еще надеясь, что ему послышалось, спросил молодой человек.

– А вот так, натурально-с в канаве-с! – уверенно и со знанием ответил голос.

Петя наконец повернул голову влево и на фоне Большой Медведицы увидел человека, сидящего на обочине дороги.

– Да, действительно, опять в канаве, – озадаченно произнес он и внимательно стал разглядывать незнакомца.

Ничего особенного в нем не было: среднего роста, худощавый, одет прилично, но как-то несовременно. Бородка похожа на козлиную. Глаза постоянно бегали; противная и, можно сказать, гадкая улыбочка не сходила с его губ; руки он постоянно держал в карманах. Шляпа была надета набекрень и как бы висела на чем-то с одной стороны, что мешало ей опуститься и принять свое естественное положение.

«Если бы еще хвост, то точно мне черт привиделся!» – подумал Петр Сергеевич.

– Давайте не будем – понапридумали: хвост, рога... копыта еще скажите, – с деланным возмущением произнес человек на обочине.

«Точно черт, – подумал Петя. – Тьфу меня!»

Он вдруг ясно услышал стук приближающихся каблучков и попытался закричать, но вышло шепотом, и то осип-

шим: «Женщина, женщина». Звук каблучков затих, несколько мгновений была полная тишина, затем каблучки стали быстро-быстро удаляться.

– Ну хорошо, давайте будем пугать прохожих, давайтеждемся полиции, пусть узнают на работе, что вы ночуете в канавах. Вы этого хотите? Да? – спросил человек на обочине.

– Нет, – потупив взгляд обратно в канаву, тоскливо проговорил Петя. – А как мне вас звать? – уже смиряясь, спросил он.

– Зовите меня, ну... например, брат – пойдет? И можно на «ты».

– Пойдет. Брат, помоги встать, – поняв свою беспомощность, ответил Петя.

Минут через... дцать под ручку, как говорится, держа ручку крендельком, они добрались до дома. Хозяйка, у которой Петя снимал комнату – сам-то он был из провинции и приехал в центр «покорять» большой город, – охнула, покачала головой и сказала:

– Костюм-то я приведу в порядок, а только вы, Петя, по кривой дорожке идете.

– Какой сегодня день? – спросил он с надеждой.

– Да суббота, суббота! Успеете еще в себя прийти. И опустите руку наконец, что это вы все подбоченься стоите? – ответила хозяйка.

«Значит, не видит того, который меня привел», – подумал он.

Когда дверь в комнату захлопнулась, незнакомец, оглядевшись, вдруг предложил:

– А давайте, Петр Сергеевич, выпьем... водки! Поправиться, так сказать, а то на вас просто лица нет.

Чувствовалось, что обращаться к Пете по имени-отчеству доставляло новому знакомому особенное, но, похоже, какое-то ироническое удовольствие. Петя никак не мог взять в толк: издевается он над ним или нет?

– Не-е-е, я только вино, и только один стакан, – возразил он.

«Ну-ну!» – усмехаясь, подумал про себя то ли черт, то ли брат, в общем – незнакомец, а еще проще – гость.

– Один так один, – сказал гость. – А я – водочки! – На столе появилась бутылка вина и бутылка водки. – Ну что? Со свиданьем? – сказал гость, выпил стакан водки одним глотком, после чего, крикнув, стал наблюдать за своим собутыльником.

Молодой человек выпил медленно, преодолевая отвращение к какому-либо виду алкоголя вообще, а заодно и к самому себе. Выпив, он прислушался к себе; гость тактично молчал. Закрыв глаза и замерев, не ставя стакан на стол, Петр подождал, пока теплая волна окутает голову, снимая похмельную боль, затем разольется по телу от живота к рукам и ногам. Только после этого, как бы очнувшись, он поставил стакан на стол все еще дрожащей рукой.

Видя, как лицо молодого человека краснеет и оживает,

гость быстро и уверенно предложил:

– Вдогоночку?

– Не, я только один стакан.

– Чтобы уж совсем прийти в себя, еще только один стаканчик, да и не водка это, а всего-то вино, – мягко, но убедительно сказал гость. – С него сильно не захмелеешь, а так, слегка только, как говорится, для здоровья.

С этим Петр спорить не стал и покорно снял ладонь со своего стакана, разрешая налить себе.

Махнули по второму, гость снова крикнул и произнес:

– Эх, хороша водочка, хороша – чисто роса.

Дрожь в Петиных руках уже совсем утихла.

«Где-то я слышал уже эти слова», – подумал он и вспомнил, что так в его детстве говорил его дядя, возвращаясь по воскресеньям из бани уже сильно поддатым. «Николай принес, – вспомнил он слова дяди, – и умеет же, стервец, делать водочку, просто кристалл, ну чисто роса. Как говорится: что для себя делал!»

Вспомнил молодой человек, что алкоголь в первый раз попробовал, только приехав в центр и устроившись на работу в одну из фирм. Отец-то у него не пил вообще, и праздники встречали всегда дружной семьей и без алкоголя. В их провинциальном городишке пьянство было позором не только самого пьющего, но и его семьи. Да и на виду все были: город-то маленький. В центре жизнь другая: то корпоративы, то в ресторане вечером после работы посидеть, то на шаш-

лыки в выходной куда-нибудь выехать. К тому же в большом городе людей встречаешь один раз в жизни и стыдиться, что тебя вчера пьяным видели, когда домой добирался, не перед кем.

«Ты, Петя, белой вороной не будь, – сказал ему как-то его непосредственный начальник. – И свои провинциальные замашки брось. А то как укор нам всем получается: ты, мол, праведник, а мы грешники. Будь грешником, иначе нигде не приживешься. Сели за стол – так выпей, уважь». И действительно, после второй и провинциальность пропадала, и общаться становилось легко, и казалось, что к тебе даже прислушиваются и что ты наравне со всеми.

«Все-таки где же я видел его, этого “гостя”? – задумался Петя. – Ведь определенно видел раньше. Но где?»

– А я вам, Петр Сергеевич, подскажу, – неожиданно произнес гость.

– Откуда же вам знать, о чем я думаю? – снова переходя на «вы», спросил тот удивленно.

– Да так уж, знаем-с, однако, – с ехидцей сказал гость и спокойно пододвинул к молодому человеку наполненный стакан.

– Ну? – с нетерпением спросил Петр.

– Сначала махнем, а то без стакана вам, Петр Сергеевич, трудно будет уразуметь, – сказал гость, сделав ударение на слове «вам».

Молодой человек уже начинал хмелеть после двух стака-

нов, но будучи, как говорится, на вчерашних дрожжах и подумав: «Всего-то вино!» – выпил и третий. Гость, опрокинув свой стакан водки, в очередной раз крикнул и сказал:

– Ох и хороша!

– Так я вас слушаю, – напомнил Петя.

– Не вас, Петр Сергеевич, не вас, а тебя! – назидательно сказал гость.

– Конечно же, тебя, тебя! Так где мы раньше могли встретиться? – спросил молодой человек, стараясь никак не обращаться к гостю.

– Так на том же самом месте-с, где и сегодня, у той же канавы, – охотно начал гость. – Сегодня я ведь вам, любезнейший Петр Сергеевич, в третий раз помог выбраться из канавы. В первый раз вы очнулись в канаве после того, как водки перебрали и пытались на автобусе доехать до своего дома. Вы, Петр Сергеевич, тогда, как на фирму-то поступили, быстро к водочке-с пристрастились и вскорости принимали хоть и немного, но каждый день после службы. Сами за собой такой манер заметили и решили ограничиваться двумя рюмками. Корпоратив тогда был, разгулялись вы, ну и решили, что с третьей рюмки ничего не случится. В результате вы, любезнейший, напились, извините, как небезызвестное животное. В автобусе вас развезло, билет вы покупать отказались, начали громко выражаться: мол, едете по служебной надобности, и билет вам не положен. Вот водитель и высадил, а точнее, вытащил вас из автобуса и аккуратненько так

положил на обочину. А уж в канаву вы-с, Петр Сергеевич, сами-с и скатились. А уж как очнулись, так мы с вами в первый раз и встретились. Тоже, знаете ли, на рассвете.

– Так это ты помог мне в тот раз до дому добраться? – спросил Петр.

– Точно так-с, я и помог-с, хоть вы этого и не помните, – с готовностью ответил гость.

«Странно, – подумал Петр, – черт, а не все знает».

На самом деле он помнил тот корпоратив в честь дня создания фирмы, но только помнил его начало: первые минут тридцать-сорок. Он тогда решил выпить не две, а всего одну рюмку: налить сразу ее полную и потихоньку отпивать из нее с каждым тостом. Выпив сгоряча ее до дна после первого же тоста, который произнес глава фирмы, Петр был вынужден налить вторую. Через три-четыре тоста пришлось налить третью рюмку, и далее границы дозволенного стали быстро расплываться и исчезли совсем. Впрочем, что было дальше, Петр действительно не помнил.

Гость опять пододвинул к Пете стакан, и тот, покорно выпив и даже не обратив внимания, выпил ли гость, приготовился слушать дальше.

– Во второй раз вы оказались в канаве, когда вас водитель вытолкнул из такси. Вы опять же ехали домой, но теперь уже после того, как посидели с друзьями в пивном баре. Вы тогда решили, что раз уж вам хочется каждый день принять, то пусть это будет одна, ну, максимум две бутылочки пива...

На этот раз вы поехали в такси, чтобы теперь-то уж наверняка добраться до дома. В такси же вы начали отчаянно икать, и таксист испугался, что вы испоганите-с салон... И опять же, извольте заметить: вы очнулись на рассвете. В этом у вас удивительное постоянство-с, Петр Сергеевич. Так мы снова встретились на рассвете, и опять же было ясное небо и видны были звезды. И далась вам эта Большая Медведица? – закончил рассказывать гость.

– Да-а-а! Провалы в памяти-с, провалы! – добавил гость.

И этот случай Петр помнил, и помнил опять же только начало. Они заказали по две кружки пива. Оно оказалось теплым. Возмутились. Принесли еще по две, оставив как подарок от бара теплое на столе... А затем была водка.

Петр уже не подставлял свой стакан, а сам регулярно наливал себе вина – бутылка удивительным образом не заканчивалась.

– У вас странная речь, – снова переходя на «вы», сказал молодой человек.

– Извольте, любезнейший, объясню, – с готовностью подобрался гость. – На классике воспитаны-с, на классике: Гоголь, Достоевский... В отличие от вашего поколения терпеть не могу всякой мистики: ведьм, вампиров, зомби и прочего – тьфу, гадость какая!

– А сегодня-то что?

– А сегодня, в общем-то, тоже ничего оригинального не было, – продолжил гость. – Накануне вы решили, раз уж с

пива тянет на водку, перейти на сухое красное вино. С него, мол, и на водку не тянет, и врачи говорят, что красное полезно пить каждый день. Ну, так после очередной бутылки сухого вина вы и оказались опять в той же самой канаве. На этот раз вы решили дойти до дома пешком, но... сил не хватило... И заметьте-с, мой друг, я ведь за вами не ходил, под локоть вас не толкал, из-за левого плеча не нашептывал, а просто сидел и ждал на этом самом месте, у этой самой канавы, – сказал гость, с усилием изобразив на лице непогрешимую честность.

– Откуда же ты знал, черт тебя дери, что будет именно так? – спросил Петр.

– Все просто, уважаемый, все просто, – охотно ответил гость. – Ты думаешь, что идешь своим и только своим путем? Нет! Дорожка к канаве задолго до тебя протоптана!

– А я брошу! – твердо сказал Петр.

– Нет, Петюня, от алкоголизма в одиночку не убежишь. А в большом городе что? Никому ты не нужен. – Гость самодовольно и с горящими глазами наливал себе очередной стакан.

Пете почему-то вспомнился недавний телефонный разговор. Он тогда неожиданно для себя набрал домашний номер. Раздались длинные гудки. Что он хотел сказать, он и сам не знал. В трубке послышался до боли родной голос:

– Алло, алло! Ничего не слышу, алло, – произносил отец. – Алло, алло!... – повторял он опять и опять.

И тут Петю прорвало:

– Пап, это я, Петр.

– Петя, Петя, это ты? Ты же по воскресеньям всегда звонишь, а сегодня еще четверг. Случилось что? Вон у матери сердце ноет со вчерашнего дня. Мать, слышь, Петя звонит. Как там у тебя, Петя? – скороговоркой выговорил отец.

– Пап, плохо мне здесь, устал я страшно, – проговорил Петр, и глаза защипало от слез.

– Ну и плюнь ты на эти огни большого города, возвращайся. Работа и у нас в городе найдется. Возвращайся, а? Вот и мать рядом стоит, тоже говорит: «Возвращайся». К деду в деревню съездишь, проведешь старого, да и отдохнешь, выплывешь на сеновале.

И такое родное, близкое растеклось по душе Петра, что потянуло его домой, туда, где его всегда ждут самые любимые люди.

– Па, да не могу я, – сквозь слезы проговорил Петя. – У меня работа, там трудовая книжка! И кредит я взял...

– А хочешь, скажу, что дальше будет? – продолжил гость, гадливо улыбаясь. И, не дожидаясь ответа, начал говорить: – В конце концов начнешь бутылочкой пивка поправляться перед работой, в обеденный перерыв бегать пивка попить. Как-нибудь придеешь на работу в темных очках, чтобы синяк под глазом скрыть. А на каком-нибудь очередном корпоративе напьешься так, что будешь кричать, что уволишь всех. А затем, весь в долгах за наемную квартиру, со стаканом в

руке будешь сидеть у компьютера и рассылать резюме, ища очередную работу, а затем...

Петя сразу же вспомнил, что в темных очках ему уже приходилось выходить на работу, и закричал в отчаянии:

– Стоп, хватит! Иди к черту! Я не алкоголик! – Голова начала кружиться, мысли путались.

– Да подожди ты, подожди, не надо так кричать, – сказал гость, – я еще не закончил. Успокойся и закрой глаза на минуточку.

Петя, как в гипнозе подчиняясь словам гостя, закрыл глаза. Он ощущал свое «я» и в то же время видел себя со стороны... Он падал спиной вниз – быстрее, быстрее, быстрее... Весь сжался в ужасе; падение казалось ему бесконечным; вот-вот, еще немного – и остановится сердце, не выдержав напряжения, и... он очнулся. Он лежал и боялся открыть глаза: боялся увидеть... Большую Медведицу и снова проснуться в канаве. Наконец запах, похожий на аптечный, немного успокоил его, и он медленно стал открывать глаза. Вокруг все оказалось белым: потолок, стены... «Больница?» – мелькнула мысль, и, повернувшись на другой бок, он затих. Виделся ему длинный коридор и отец, стоящий рядом с человеком в белом халате.

– Сегодня к нему еще нельзя, – сказал лечащий врач. – И вот что я хотел сказать вам...

Отец молча выслушал слова доктора и, сгорбившись и как-то сразу постарев, медленно и устало пошел по длинно-

му больничному коридору.

Петя снова закрыл и открыл глаза. Гость стоял на том же месте и с любопытством смотрел на Петю. Глаза Пети медленно стали наливаться кровью.

– Так ты на белую горячку намекаешь? – злобно и тихо спросил он гостя.

– А что? Ты думаешь, это так уж невозможно? Ошибаешься, Петя, ошибаешься! Стоит два-три дня воздержаться после хорошего подпития, и поползут «постенные», – ответил тот.

– Я не алкоголик, и запоев у меня нет! – выкрикнул Петя и стал с угрозой надвигаться на гостя, перекрыв тому путь к двери.

Черт, не ожидавший такого поворота дела и видя решительность Пети, стал отступать все ближе и ближе к стене и, упершись спиной, стал блекнуть, все более и более превращаясь в мираж; цветочки на обоях проявлялись сквозь его тело все четче, и наконец... он растаял совсем.

В дверь постучали.

– Петя, у тебя все в порядке? – раздался голос хозяйки.

– Все нормально, – сказал он, лихорадочно ища что-то вокруг себя, – просто сон плохой приснился, Марья Федоровна.

– Костюм-то сними, дай почищу.

Он ничего не ответил и упал на кровать. В голове крутилось: «Это сон! Сон!» Провалился два дня – до вечера вос-

кресенья. Очнулся оттого, что его мутило и сильно болела голова. Что-то показалось ему не так, как будто чей-то взгляд непрерывно следил за ним. Уличный фонарь создавал в комнате полумрак. Петр привстал с кровати, оглянулся вокруг, прислушался и, ничего не заметив, с облегчением повернулся на бок, закрыл глаза и... вновь почувствовал на себе чей-то взгляд и тут же услышал слабый звук, похожий на постукивание. Он весь сжался и, медленно-медленно протянув руку, включил ночник возле кровати. Он снова оглядел комнату и уже готов был вновь облегченно вздохнуть, как неожиданно заметил какое-то пятно на стене. Он встал с кровати, осторожно подкрался к стене, и... мурашки пробежали по всему его телу. На стене сидел паук, и его ножки постоянно шевелились и отстукивали копытцами какую-то очень знакомую дробь. На месте паучьей головы была голова черта. Черт был в той же шляпе и смотрел на Петю. Брюхо паука было непомерно раздуто и шевелилось, как будто кто-то елозил внутри него.

В бешенстве Петя бросился к стене и хлопнул ладонью со всей силы по гадкому существу. Брюхо лопнуло, и брызги разлетелись по стенам комнаты на множество мелких паучков, заменивших собой цветочки на обоях. Пауки ползали по обоям и каждый раз, встречаясь друг с другом, произносили «Здрасьте», и именно через мягкий знак, отчего слово звучало особенно противно. Злые глаза чертей со всех сторон смотрели на Петю. Слышались голоса:

– «Калинку», «Камаринскую»...

Вдруг все застыли на месте, смолкли, и непонятно откуда послышался тонкий жалостливый голосок, пропевший тенором: «Полюби же ты-и-и ме-э-эня-а-а», долго вытягивая последний звук.

Нервный тик страшно исказил лицо Пети. Он схватил первое, что попало под руку, – это был мокрый ботинок – и стал соскребать в него со стены пауков. Но те тут же вылезали из ботинка и по его рукам расползались по всему его телу. Отчаявшись, он издал вопль, упал на пол и закрыл глаза. Ему виделась его комната: по стенам что-то шевелилось, мелкое и уже почти не противное; он начинал смиряться с судьбой... И голос – знакомый голос – с издевкой, но уверенно повторял и повторял: «Нет, Петюня, в одиночку не выкарабкаешься...»

В дверь стучались, раздавались голоса, но Петр уже ничего не слышал.

– Не-е-ет!!! – собрав последние силы, крикнул он.

Вспышка озарила комнату, и «мелкие» рассыпались по стенам и потолку бесчисленными звездами; стены комнаты и потолок раздвинулись до бесконечности. Петя уже не ощущал своего тела. Остатки его разума в одиночестве блуждали в холодном и безжизненном космосе. Его взгляд скользил по незнакомым созвездиям. Он стал закрывать и открывать глаза, и каждый раз виделось ему разное: то белые стены, то небо сквозь дырявую крышу сеновала, то его фирма, где за

столами сидели черти, и вся их работа заключалась только в том, чтобы произнести «Здрасьте!», когда кто-нибудь входил; все постоянно улыбались – глупо и заискивающе; постоянно слышалось: «любезнейший», «милостивый государь», «сударь», «извольте заметить»; глава фирмы в шляпе, надетой набекрень, и с полотенцем, перекинутым через руку, обращался поочередно ко всем, постоянно повторяя: «Чай пить будете?» – и... кланялся, кланялся. А то вдруг он стремительно поднимался к незнакомым созвездиям, и с высоты ему все казалось мелким и незначительным... Постепенно звезды сложились в созвездия, знакомые с детства. Петр задумчиво стал рассматривать небосвод, вспоминая их названия. Взгляд его задержался на Большой Медведице. Он стал вспоминать, что если провести мысленно линию через две крайних звезды ковша, то можно найти Полярную звезду. Вдруг холодок пробежал по спине; он стал лихорадочно ощупывать вокруг себя и... вздохнул облегченно:

– Сеновал! Приснилось?

Когда наконец-то вскрыли дверь, то оказалось, что в комнате никого нет и все затянуто паутиной и покрыто пылью...

Моисей Бельферман

Творческая автобиография:

«Меня зовут Бельферман Моисей Исаакович. Родился 10 марта 1935 года. Жили родители в Харькове, в бараке тракторного завода. Позже переселились на съёмную квартиру. Отца оставили в гражданской обороне. Эвакуация. Приехал отец к нам, но вскоре, в возрасте сорока двух – сорока трех лет, его мобилизовали в армию. Послали на курсы минометчиков. И в действующую армию.

Осенью 1943 года (в октябре-ноябре), уже после форсирования Днепра, на северо-западе от Киева произошло крупное танковое сражение, подобное Курской дуге. На этот раз нацисты вермахта оцепили советские части, взяли в плен. Отец оказался в нацистском плену. Спас его некий советский военный: при переписи в лагере записал его Караимом. Прошел лагеря, трудился на западе Германии на сельскохозяйственных работах. Освободили американцы. После репатриации в СССР отец с другими несчастными людьми попал в Сталиногорск (ныне Новомосковск Тульской области). Проверка продолжалась более года.

Из эвакуации мы вернулись в 1945 году. В Харькове квартиру вернуть не смогли. Мама увезла нас, малолетних детей, в Киев. Скитались по углам. Отец вернулся: сумел купить глубокий подвал по улице Владимирской, 73, кв. 3.

Мы жили возле Киевского университета. Я еще школьником посещал Научную библиотеку АН УССР. В 1957 году

окончил лесохозяйственный институт в Брянске.

Вместе с трудовой работой, самообразованием постоянно занимался в Научной библиотеке АН Украины.

Литературным творчеством занят пять десятков лет. Не публиковали. В период Московской олимпиады меня арестовали – в заключении продержали пятьдесят три дня. Через десять лет репатриировался в Израиль. Мне повезло: друзья помогли, прислали до двадцати крупноразмерных моих рукописей в Израиль.

Только часть своих произведений смог издать в Израиле. Издал, издаю только часть своих произведений. Мало в компьютере удалось набрать.

С 2005 года член Союза писателей “Новый Современник” на портале www.litkonkurs.com».

Крымские легенды

Медведь-гора

В Крыму издавна жили люди, только сам Крым постоянно менялся, постепенно первозданность свою терял. Южный берег Крыма покрывал дремучий лес – в этих местах постоянно люди жили, укрывались среди дикой природы, прятались от природных стихий, угроз, напастей... Единственный спаситель людей – Бог: к нему обращались с просьбами, молитвами о милости, о снисхождении, о даровании судьбоносной щедрости...

Шло время... Обустраивали жилища люди, пытались облегчить быт и труд. Учились у природы люди – перенимали нечто полезное. Зем первый начал собирать камни между деревьями на открытом участке своем: огромных трудов стоило вычистить, выровнять поле, вспахать кривую борозду, засеять... Сама вырвалась радость из его уст и тела, безмерным потоком хлынула – узнал особую новость: начала щедро плодоносить Матушка-Природа благодарная! Зем перевоплощать начал трудовую продуктивность в новое направление качества. Сытнее стало – чаще посещает беззаботность оправданная, веселость. Уже горы, лесные заросли не кажутся ему опасными, только страховестными. Даже

суровое море в моменты прибоя, в часы яркого солнца временами становится ласковым: манит свежестью, не кажется злой стихией, кошмарной угрозой...

Все реже Зем обращается с мольбой и молитвой к вечно-му покровителю своему – Богу: находит все меньше поводов его беспокоить, тревожить... Как-то спокойно обходится без покровительства. Еще немного, еще чуть-чуть – он позабудет о самом существовании Бога: в его покровительстве перестает нуждаться, обходится без привычного хлебосольного гостеприимства.

Разгневался Бог на Человека, полетел за помощью на север – к лежбищу скованного ледовыми цепями огромного Белого Медведя. Усилием воли Бог раздвинул льды – помог Белому Медведю освободиться от ледового плена. Бог указал Белому Медведю новый маршрут движения – на юг, к теплому морю. Роль Белого Медведя изменилась – должен напугать, наказать прежде послушного, с некоторых пор поумневшего, инициативного, непредсказуемого, самовольного Зема.

Белый Медведь давно скучает без большого дела – рад стараться! Его в голову подаренная свобода радостью ударила, возбудила желания, напрягла силу, вывернула наружу мощь Белого Медведя с огромным туловищем. Доплыл Белый Медведь до Фороса. Поскучал Медведь некоторое время в воде, остыл, вышел греться на сушу. Вознесся сразу громадной горой, а на нем густая шерсть уподобилась дере-

вьям отжившего свое время дремучего леса. Могучие лапы Медведя сдавливают прогнувшуюся под его тяжестью крымскую почву. Округлая, покатая его вершинистая спина подтянулась до уровня облаков. Вздывившиеся стеной громады морских волн наводнения вызвали, оползни, шквалы бурных потоков...

Огромный Белый Медведь смотрится непривычным чудом среди крымского пейзажа. Заряжен энергией дикий зверь. Направился вдоль берега, неловкими движениями, тяжестью крушит все подряд на своем пути. Лапы давят резкими движениями нежные признаки жизни. Могучие когти вгрызаются в почву, оставляют громадные борозды – эрозионную первопричину, – которые становятся оврагами, разрушаются, предстают взору в виде ущелий... Сползают склоны, срываются скалы, рушатся Крымские горы, сыплются дробными осколками. Обнажается взору каменистая материнская порода... Видоизменяет рельеф...

Белый Медведь увлекся в разминочном путешествии, ощутил радость долгожданной свободы, дополнительно разыграла игривость настроения – вошел в раж. Он озорно ударяет огромными лапами, проемы пути лохматыми боками могучими сдавливает... Подтверждает довольство дикого состояния: страшный рык оглушительно вырывается из его луженой гортани, разносится по округе. Огромный Белый Медведь в свободном шастанье пробрался к цветущей Партенитской долине, сокровищнице Крыма. На всем широ-

ком натурально-причудливом пространстве обширной местности открываются взору невысокие холмы, между ними размещены ухоженные сады, изумрудными соками налитые тяжелые виноградные гроздья, сочной зеленью раскрашенные луга. Местные пейзажи дополняют красоты, прелести, удовольствия: раскрашены словно специально устроенными в комплексе мощными водопадами.

Далек от осознания гармонии, красот: животное существо Белый Медведь, но прелести природы его мгновенно завоорожили. Зевнул пересохшей пастью, сполз к морю, напился. Утихомирил он ярость, свалился, погрузился в томный отдых.

Пролетал Бог рядом с проверочной инспекцией, обнаружил ленивца за неположенным занятием. Долго решать не стал: «Понравилось? Навеки оставайся на этом месте!» С тех давних пор осталось каменеть, обдуться ветрами огромное тело-глыба Белого Медведя. Могучие бока сохранились в виде страшных отвесных скал-круч, высокая покатая спина превратилась в округлую вершину горы, голова – острая скала – возвышается над морской пучиной. И густая шерсть сохранилась в измененном виде: непроходимая лесная дубовая чаща растет.

Понт Аксинский и Понт Эвксинский

Давно это произошло. Никто не знает, когда, как и что

произошло на самом деле. Но память человеческая сохранила общие детали: нет оснований сомневаться в реальности произошедшего. Даже говорят, что в те далекие времена-эпохи летоисчисление вели по другому принципу, буквами – не цифрами, даже в другом летоисчислении. Все может быть. Нужно терпимей отнестись к нравам древних людей, их знаниям, привычкам, образу поведения и жизни.

В Тавриде всегда жили люди: одни народы сменяли другие. Наш рассказ идет о Горцах – гордых, мирных, трудолюбивых. Оставили после себя добрую память, даже особые воспоминания – для нашей и общей истории важны. Жили те Горцы тихо, мирно. Ни с кем не конфликтовали, не воевали. Не нападали они, их враги тоже не тревожили – не нападали. Тихие, мирные люди трудились на каменистых крымских почвах, растили детей... Хорошо жили! Научились Горцы на крутых склонах гор, холмов выращивать душистый сладкий виноград. Часть винограда подвергали брожению, превращали в вино. Они обладали знаниями, умениями, навыками культуры винопития. Не злоупотребляли хмельными напитками.

Горные гряды каменистого склада неплодородны. Трудолюбивые, неустойчивые, терпеливые Горцы знали: можно корзинами наносить почву с равнин, засыпать горные расщелины – появляется так их плодородная способность. Горы преобразались: постепенно покрывались виноградными лозами, плодовыми деревьями, орехами, кизиловыми кустарни-

ками. Меткие стрелки-Горцы охотились на дичь, но отстреливали не более потребностей в питании. Без крайней необходимости не натягивали тетиву. Горцы вели здоровый образ жизни, постоянно их селения богатели.

О Горцах Тавриды узнали завистливые жители Эллады, захотели захватить одним мощным ударом все щедроты. Соорудили флотилию, отправили к берегам Тавриды воинственные Эллины. Коварные Эллины решили пристать к берегу под покровом ночи, захватить врасплох спящих Горцев. Эллинам не удалось воспользоваться фактором внезапности: море голубоватым пламенем засветилось вдруг, разбуженные Горцы сразу распознали коварство и хитрость врага. Обнаруженные Эллины продолжили приближаться к берегу. Напряглись гребцы, весла плавно разбрызгивали струи воды – мерцают они в ночи, точно указывают направление передвижения всех вражеских кораблей. Причалившая к берегу морская пена светится мертвым голубым свечением.

По сигналу пробудились Горцы. Всех женщин, детей отправили в пещеры. Увидели Горцы: противостоят им многие враги – не скрывают намерения. Все мужчины вооружились, готовятся отразить нападение. Понятно: предстоит жестокая, смертельная борьба.

Предрассветное небо неожиданно покрылось темным покрывалом – явно отделило небесные звезды от моря. Не сразу поняли Горцы и Греки, что произошло. Испуганные, с прибрежных скал сорвались гигантские орлы-грифы, устре-

мились к морю. Орлы распластали огромные крылья, кружатся над вражескими судами. Среди Эллинов началась паника – бросили весла, головы прикрывают щитами. Гриф-предводитель грозно бурным клекотом призвал наказывать возмутителей спокойствия, этих чужаков. Исполняют приказ орлы, долбят мощными клювами обтянутые кожей щиты воинов-Эллинов.

Горцы увидели место побоища, воспрянули духом. Действуют совместно: со склонов, с берега сбрасывают в море огромные валуны. Закипело море, подняло высокие волны. Небо покрыла темная туча, полил дождь. С тонущих кораблей Эллинов доносятся только стоны и вопли. Грохот доносится с разных сторон. Сохранившиеся Эллины спешно ретировались, развернули спасенные корабли, направили на запад, в сторону родных портов.

Считается, что с давних времен греки называют Черное море Понтом Аксинским – Негостеприимным морем. Военные их предки передавали из поколения в поколение как завет: не поднимать оружия против Тавриды, даже не плавать по Понту Аксинскому.

А история наша имеет другое завершение. Прошло какое-то время, потянуло Эллинов в эти самые загадочные места, на берега богатой солнечной Тавриды. Послали они всего пять кораблей с мирными послами и щедрыми дарами для Горцев. Тогда договорились Эллины с Горцами: никогда не поднимут оружия они друг против друга. Завели они мирные

отношения, торговлю. Удивлялись часто: мирное, ласковое море зря назвали Аксинским, Негостеприимным. Нет, море доброе: для друзей Понт Эвксинский, для недругов Понт Аксинский.

Геракл и скифы

На окраине Земли, в плоском ее пространстве, в пограничной сфере Европы существует место особой важности, значимости – Геракловы столпы. Стал избранником Бога, еще в те времена обычный пастух исполнял прилежно каждодневную обязанность – пас стадо быков. Выпасать быков доверяли не каждому: пастух от природы должен проявлять особое терпение, выдержку, иметь неимоверную силу, иначе не успокоит непокорного быка, не обуздает. Своенравны, даже непокорны многие быки – считают себя особыми созданиями, баловнями судьбы.

Геракл многим сильнее, хитрее любого быка. Он статный, плотный, в порывах сдержанный – мужчина-красавец. Внешней атрибутике не придает значения – перед кем ему красоваться, с кем соперничать? С могучих его плеч небрежно свешивается слабо обработанная шкура немейского льва, больше обогревает, чем украшает, да служит вещественным доказательством его смелости, отчаянного героизма. Это в общении и испытаниях перед Богом вынужден Геракл представлять в полной обнаженности своей натуры – без элемен-

тов украшения, дополнительных хитростей и маскировок.

Следует учесть, знать: и у богатырей типа Геракла случаются полные забот времена. Время значимо отражается вокруг и в каждой детали. Стада быков долго топтались на одном месте – на самом прекрасном пастбище начала портиться, истаяла сочная трава. Не остается ничего другого. Геракл запряг колесницу, медленным ходом погнал свое огромное стадо на восток, в места безлюдные, за Понт Эвксинский, на дальнее пастбище с сочной травой в бескрайних степях.

Климат в степи континентальный: по ночам, на рассвете к свежести холод прибавляется – легко застудиться. Геракл устал днём – управлялся с быками непокорными. Завернулся он в теплую шкуру немейского льва, удобно лег на ложе мягкой травы, сморила его слабость – сам не заметил момент, глубоким сном беспробудно уснул. Важное событие проспал. Пробудился бодрый Геракл к полудню. Не обнаружил на месте коней. Его величавая колесница исчезла с ними. Не управится он без них со своими быками, начинать заново сторожить, накапливать опыт, экономить на всем для приобретения нужной колесницы.

Сильно огорчение Геракла, решил он: приложит любые старания, сам найдет своих коней с колесницей, чего бы это ему ни стоило. Оскорбления не стерпит! Насмешника обнаружит, накажет за озорство, за злую провинность вора.

Геракл отправился пешим в путь, ищет любые следы ценной пропажи, пытается ее обнаружить, вернуть, а с ней ду-

шевное спокойствие, вернуть силу нрава, былой авторитет среди богов-небожителей, да и среди множества поколений носителей жизни, смертных созданий духовного и материального миров.

Безлюдна огромная степь, только разбрелись по ней его быки. Не встретил никого Геракл, не спросил, не узнал ничего о ценной своей пропаже. В полной таинственности горной стране Таврии Геракл встретил обитательницу пещеры странную: с лицом девы, станом превращалась в змею. Неожиданно Геракл, удивленный, смущенный, познакомился с богиней по имени Апа. Узнал: кони его колесницы вовсе не сбежали с пастбища, «приватизированы» с колесницей этой самой богиней Апой. Она вернет имущество в одном случае: Геракл на ней непременно должен жениться! Хватит ему холостяковать, достойный он жених: великан, силач! Ничего себе обстоятельства, да и категорические условия «сделки» не дают шанса на обдумывание. Без коней и колесницы не сможет Геракл исполнять ответственную миссию Зевса. Вынужден он принять условия богини Апы.

Наивный Геракл не оформил юридически договорные условия. Влюбленная в богатыря богиня Апа понимала: стоит ему вернуть свое имущество – сразу оставит ее с детьми. Не спешит жена-богиня возвращать Гераклу колесницу и коней. Геракл выбивается из сил, спит урывками, днем и ночью верхом в седле он на коне – следит за образцовым порядком в стаде быков.

В семье змееногой богини уже растут трое сыновей. Геракл меркнет на глазах, но продолжает жена водить его за нос, кормит обещаниями, любое исполнение обговаривает множеством невыполнимых условий. Хитрая она женщина!

Как-то раз Геракла подстерегла хворь духа: не уследил – львы-хищники двух быков в стаде загрызли. Такого никогда прежде не случалось. Поник Геракл, из Таврии готов изгнать всех львов. У львов нашлись добровольные небожители-заступники, влияют на действия Геракла через супругу его богиню Апу. Жена придумала уже нечто новое:

– Геракл, ты сам хорошо знаешь, как сильно люблю тебя, привязана... Но жизни спокойной не стало мне в последнее время – активничают покровители твои. Чего хотят? Сама вижу: тоскуешь ты, словно в неволю загнали. Живешь без права самостоятельного выбора. Стремишься на родину, к столпам своим Геракловым. У нас лучше, просторнее, красивее, с теплым Понтом Эвксинским. Хорошо, забирай своих коней с колесницей... Лучше скажи, что должна делать с нашими детьми, твоими сыновьями, как только они вырастут? Отослать к тебе или оставить у себя?

Геракл не понял невысказанной хитрости жены – непременно присутствует, ни одна речь не обходится без нее. Геракл снял пояс с золотой чашей на пряжке. Взял лук со стрелой, показал жене умение свое натягивать тетиву:

– Вырастут пусть сыновья, возмужают, тогда каждый по очереди наденет пояс и попробует натянуть тетиву моего лу-

ка. Испытание простое: кому мой пояс придется впору, да еще сумеет, как я, натянуть тетиву моего лука – пусть остается. Не сможет кто справиться – отошли того прочь! Пусть старается, учится, накапливает силы...

Повзрослели дети... Не приблизились к завету отца старший сын Агафирс и средний Гелон – слишком большим, тяжелым казался пояс, да натянуть тетиву лука силенок не хватило. В таких воинах страна не нуждалась. А вот младший сын Скиф удачно овладел премудростями силовых профессий, воинского искусства, остался в стране. С тех далеких пор оставили по себе добрую память храбрые воины, потомки мужественных скифов.

О героизме Мужчин и непостоянстве Женщин

История эта знаменательная, показательная. Характеризует национальные нравы в некотором роде, проявляет единство, существенные отличия Мужчин и Женщин в их поведении в людском сообществе. Естественно, каждый Человек остается Личностью неповторимой, предстает в своем Времени, наполнен особыми моральными качествами, в нравственных одеяниях.

Скифские воины отправились на войну, уже двадцать лет тому покинули Скифию – с тех пор нет от них никаких известий. Долгое время томились в ожидании мужей жены,

потеряли всякую надежду на их возвращение, на продолжение нормальной супружеской жизни. Решили окончательно многие: мужа погибли в боях, нет резона и смысла дальше их ожидать. Условия сложились таким образом: большинство жен прервали обет верности – тайно и открыто вступали в браки со своими рабами. Те по общественному статусу ущербные, но Мужчины.

Не долго радовались неверные жены – молнией разнеслись неведомо откуда сообщения: вскоре вернутся по домам скифские воины – герои войны. Кажется, радостные известия многих людей ввергли в неописуемый ужас: «Несчастье такое! Что может случиться?!» Действительно, часть жен ощутили греховность свою, отвечать за провинности не хотят. Посовещались между собой неверные жены: их вполне устраивают новые мужа-рабы, не хотят возвращаться к прошлому, ничего менять. Созвали Женщины своих новых мужей-рабов, с ними детей нажитых... Пояснили в истерической форме, вполне доступно:

– Спасаться нужно! Каждый должен думать о себе и всех! Нам всем грозит близкая гибель от мстителей! Возвращаются победители, воины никого не пощадят! Мужья не простят измены, все погибнем: жены, рабы, ваши кровные дети!

Знавшие за собой вину имели полное основание остерегаться, они многократно переоценили опасность. Сами гордые и мужественные, скифские воины соскучились по родине, семьям, матерям, друзьям, полны чистых надежд, прият-

ных ожиданий, в приближении радостного часа встречи не терзают их никакие опасения.

Путь на полуостров Таврию проходит по узкому перешейку, в обход соленого озера. Знакомую дорогу перерезает глубокий ров – прежде этой преграды не существовало. Хуже другое: ожидали воины радостную встречу – преграждают путь вооруженные незнакомые люди, перекрывают дорогу домой! Скифские воины впали в отчаяние – ничего подобного они не ожидали. Воспользовались их долгим отсутствием. Неужели захватили родину жестокие завоеватели? Ее придется освободить, сражаться за собственные дома, вызволять из рабства жен, детей, родственников... Отбивать поля, виноградники, животных. Начался ожесточенный бой! Победители доказывают свое право владеть страной, распоряжаться имуществом, вести мирное строительство, нормальный образ труда, жизни.

На перешейке долго продолжалось ожесточенное сражение, лилась кровь, погибали воины... Оба лагеря твердо стояли за правое дело – не намерены отступить, признать поражение перед яростными действиями противника. В один из моментов передышки скифские воины посовещались между собой. Некто высказал мудрое мнение:

– Бесполезно вести бой на самоуничтожение. Мы не знаем противника, не понимаем, за что они борются. Узнаем врага – легче сможем его победить.

Узнали скифские воины: воюют они против своих рабов

и детей своих жен – выступают те в роли гладиаторов, дерутся в отчаянии, не щадят жизни. Ведь все равно им уготовано рабство: лучше погибнуть в открытом бою, победителю не прислуживать оставшуюся жизнь. Скифские воины сразу поменяли тактику сражения. Оружием выбрали длинные кнуты, розги вместо мечей, стрел и копий. Приблизившись к рабам скифские воины, подвергли их ударам оглушительным. Услышали только знакомые звуки розог, свист кнутов – по бессознательному инстинкту покорились рабы, бросили оружие, дико в панике бежали с поля битвы, стали беспомощными – воле победителей они отдались в полной мере. Только беспомощно возносили руки над головами – просили пощады.

Легенда не сообщает, как воины-скифы решали свои семейные проблемы. Верно, прощали жен, признавали их незаконнорожденных детей своими родственниками. Много лет утекло с тех давних пор, почти никто точно не знает своего родства-происхождения, прежнего состояния. Настало время сплошного равенства, братства, гражданства... Перепуталось все! Растерялись расы, нации, семьи... Даже народы стали условными явлениями – ничего точного, конкретного... Среди других народов только евреи выделяются относительной чистотой крови. Особенно враги наши стараются, часто напоминают: евреи не должны забыть о своем предназначении – служении Господу, доведении морали до народного сознания, воспитании в духе нравственных норм,

следовании по пути Истинному – о бездуховной жизни в Идеальном обществе.

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев.

Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани, и прочих укрепленных пунктов, и из остальной территории: херсонесцы ею управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но оберегать все это буду для народа херсонесского.

Я не буду ниспровергать демократического строя, и не дозволю этого предающему и ниспровергающему, и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц.

Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкинитиду, или Прекрасную гавань, территорию или укрепленные пункты херсонесцев.

Я буду служить народу, советовать ему наилучшее, наиболее справедливое для государства и граждан.

Я буду охранять для народа састер и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству.

Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам.

Я не буду замышлять никакого несправедливого дела про-

тив кого-либо из граждан неотпавших, и не дозволю этого, и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам.

Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если вступил с кем-нибудь в заговор или связан какой-либо клятвою или закланием, то мне, это нарушившему, и тому, что мне принадлежит, да будет лучшее, а соблюдавшему – противоположное.

Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц.

Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес».

Поход Бравлина

С севера, из Новгорода пошла гулять великая Русь, не могла ужиться в одном месте, много бзика и показной гордости у каждого руса – себя понять не в состоянии, других слушать вовсе не намерен. Многоречивое вече – одни фантазии, не речи, смысла в них никакого, слова без содержания, смысла, да и конкретной формы действия. Правота во всем зияет – нет порядка, смысла, реальности, основы, духовной составляющей... Полное словоблудие словес возвышенных

в прекрасной ажурности червонного золота теснения.

Русский князь Бравлин пришел из Новгорода. Совершил поход на Крым вскоре после кончины Стефана Сурожского (конец VIII – начало IX века). Все побережье Черного моря от Корсуня опустошил – овладел Херсоном, Керчью и Судаком как разбойник и грабитель. Десять дней подряд продолжали осаду Сурожа – только на одиннадцатый день сломали Железные ворота, город предали грабежу. С мечом в руке сам Бравлин бросился к Святой Софии. В драгоценной раме размещены мощи святого Стефана. Он рассек двери храма, захватил его сокровища. У раки святого князя Бравлина настиг паралич. За чудо посчитали действие святой силы. Князь принял высшую кару – приказал вернуть все награбленное храму. Ответные действия не помогли, тогда князь Бравлин приказал очистить город, вернуть храму всю награбленную в Крыму церковную утварь. Последнее действие князя – он решил сам креститься. Преемником святого Стефана являлся архиепископ Филарет. С местным духовенством он провел обряд крещения князя Бравлина. Дополнительно к своей щедрости князь пообещал освободить всех крымских пленных – лишь на этот раз он почувствовал телесное облегчение. Князь Бравлин приветствовал местное население. Так князь из грабителя превратился в богопослушника – без особого шума, в смирении покинул пределы Сурожа.

Внук Ходжи Насреддина

Расскажи кому – точно не каждый поверит. Ахмед-Ахай – он прямой внук Ходжи Насреддина по нисходящей линии родства. Для точности приводим координаты его жилья: на географической карте не ищите кишлак Озенбаш, хватайте сразу Бахчисарай – из этого центра вселенной прямая ослиная тропа проложена без поворотов. Один ишак не блудит – в обоих направлениях знает дорогу, читает по звездам и приметам местности.

Все знают степень родства, форму происхождения Ахмед-Ахая. Сейчас у него документального свидетельства нет – подтверждения, словно это так важно для людей с занятием серьезным юмором в век скептиков и вульгарных материалистов. Вечно занятый по торчащие уши серьезными делами, Ахмед-Ахай выбрал часок, отправился на осле к местному кадию в центр коммерции и мироздания Бахчисарай. Кишлачные мудрецы уже давно его подговаривают «отовариться корочками» – документ стал важнее острого дамасского булата, живого слова народного происхождения.

Ахмед-Ахай дремучий провинциал: далек от городской экзотики, дорожно-уличных проблем, транспортных давок и прочих форм дорожного кровавого жертвоприношения. Спешился чинно с осла возле указанных ворот кадия, рядом с большим барабаном-давулом, привязал к нему свое

непослушное, глупое животное. Используют его только в качестве дешевого естественного средства передвижения «по нехоженным тропам истории», как написал великий классик марксистского и более современного общественно-политического учения диалектического направления. Так вот, совершенно спокойный за свое ближайшее будущее, Ахмед-Ахай в полном здравии, с хорошим настроением, в ожидании близкой радости отправился на прием к кадию. Он перескочил через молчаливую очередь, только раскрыл рот для сообщения особой важности:

– Дорогой эфенди... так и так...

Не успел еще затакаться – услышал снаружи страшный шум.

– Что, как, по какой причине, что происходит?! Началось действие арабской сказки? Слетелись с неба эльфы, гномы? Зашевелилось сразу все подземное царство грешников?

Случилось все просто: осел направил оскаленные зубы на свежую траву – потянул шею. Сам он того не хотел – дернул давул, а тот покачнулся, начал гудеть, заворчал туго натянутой кожей. Осел испугался шума, вызвал большее верчение давула своей неловкостью – барабан загрохотал. Осел испуган, с привязи попытался сорваться, бросился скачками от испугавшего его шума. Катится за ним, гремит давул. Добежал осел до Дворцовой площади, а тут из-за поворота навстречу медленно ковыляет караван верблюдов, упакованный весь, тяжело груженный посудой, жестью... На верблю-

дов налетел осел с давулом, те с перепугу начали плеватьсь липкой слюной, караванный строй нарушили, порядок, разбредлись по улицам и переулкам большого города. Перепугались люди, по улицам бегут, шарахаются, кричат, недоуменно спрашивают: «Произошло землетрясение? Началась война? Так неужели сам шайтан посетил Бахчисарай? Кого из грешников успел утащить с собой?» Никто не понимает толком, что происходит. Только спрашивают – никто не отвечает на вопросы. Разграбить хотели караван – только вез он посуду, жезь, не шелк, сукно... Караванчики начали верблюдов ловить... Убытки подсчитывают... Только к вечеру успокоились жители города...

Караванчики пришли к главному кадию, жалуются на Ахмед-Ахая. Кадий впервые услышал это имя, спросил с интересом:

– Это что за человек? По каким надобностям приехал в наш город?

– За бумагой, документом он приехал... Хотел получить у меня документ, будто внук знаменитого Ходжи Насреддина... Того самого... – подключился к разговору кадий – у ворот его дома давул стоял, с него все началось. – Как я мог дать такой документ, эфенди? Доказательств у него никаких... Даже бакшиш он не захотел платить... А родство с Ходжой Насреддином очень дорого стоит... Даже таких денег нет, сколько заплатить за это надо...

– Нахала надо наказать! – остролов, любимец публики

высказал свое мнение. Он числится чиновником, платят ему чаще за подсказку верных решений.

– Наказать? – Главный кадий вспомнил о своем главенствующем положении в обществе. По этой веской причине должен высказать решительное слово – для успокоения народных страстей. – Его можно... наказать! И смотреть за ним в оба – пусть больше не пугает ослов, верблюдов...

Решение главного кадия – вовремя высказал, всех устраивает. Он сам еще весь не раскрылся, в поиске мучительном находится – истина лежит на поверхности, но пока не ухватил ее за хвост. Он продолжает рассуждать:

– За такой личностью... за возмутителем спокойствия и общественного порядка надо постоянно смотреть в оба глаза, слушать одновременно обоими ушами, ничего не пропустить. Этот человек... Как его зовут? Ахмед-Ахай? Действительно внук славного Ходжи Насреддина? Я лично думаю – вне судебного решения. Только внук известного возмутителя спокойствия, славного, мудрого и... дерзкого Ходжи Насреддина... Смог он за десять минут – на весь день! – перебаламутить славный наш весь... огромный город. Лично я без документа и полагающегося по случаю бакшиша готов признать того... Как его зовут? Ахмеда-Ахая достойным внуком великого предка! Да, помнится, сам я однажды уже выдал заключение об окончательной, бесповоротной смерти самого славного Ходжи Насреддина. С тех пор вроде прекратились частые случаи возмущения спокойствия, обществен-

ного порядка. Так я – одним росчерком пера – прекращаю нарушения законности, преследую подряд всех нарушителей... Имею с того хороший бакшиш, знаю многих завистников, претендентов на реально занимаемую мною шашлычно-пловную должность.

В течение пятнадцати месяцев по персидскому календарю продолжают обсуждать это важное для мировой истории событие с ослом в славном городе Бахчисарае. Некоторые считают:

– Шутник Ахмед-Ахай привязал несмысленного своего, упрямого осла к давулу специально, для быстрого розыгрыша легковой публики.

Другие возражают:

– Ахмед-Ахай туп как пробка, он только по своей природной глупости привязал осла на этом людном месте, не принял в расчет его трусливый характер...

– Нет, это специально сделал, так подстроил. Ослу не оставалось больше ничего делать, только сорваться с места, потянуть за собой огромный давул... Перебороздил несколько улиц, добежал аж до Дворцовой площади... Одним своим видом перепугал не только городских баранов, но и мудрых королей пустынь – степенных верблюдов...

– Да, такое надо придумать! Привязанный к давулу осел взорвет Бухару, Самарканд, что говорить зря о Бахчисарае! Нет у нас такого простора действий, полета мыслей, потенциальной возможности разворота... Население только немного

превышает численность ослов!

– Вовсе нет! – заспорили другие. – Ослы давно достигли равенства с численностью населения.

– Содержать осла дешевле обходится, чем работника!

– А вот и нет! Ослы требуют свой рацион питания. Добавь к размельченной соломе джугару, сорго.

– Даже рис съедят!

– Кто это нормальный кормит осла рисом?! Скажи еще пловом! Шашлыками!

– Ослы не едят животной пищи...

– Ах, не едят?! Так ты уже пробовал кормить? Ну и что?

– Не едят!

– А ты пробовал кормить?

– Нет, не пробовал!

– Так откуда точно знаешь, что не едят?! Свари отборный плов, отдельно подливу... Покорми осла...

– Осел – не бай! С какой стати приглашать к столу, кормить пищей избранных – жирным пловом?

– Каждый осел требует к себе уважения, почета! Иначе не заставишь его трудиться по совести!

– Какой осел трудится по совести? Где найти такого осла?

– Воспитай осла – станет он трудиться по совести! Даже с хозяином разговаривать по душам!

– Какой это осел? И хозяина такого, где сыскать, выбрать?

– С каких это пор ослы выбирают себе хозяев?

– Пока все хозяева страдают от упрямства, самовольства

ослов!

- Не все страдают...
- А как?
- Отказываются от ослов...
- Это просто сказать... Не осуществить...
- Никому не удастся отказаться от осла – вынуждены терпеть его упрямство, самовольство...
- Еще приходится кормить... лентяя...
- Не корми!
- Он сдохнет!
- Выбирай: нужен тебе ленивый осел или... сам разле-нишься?
- Разовьешь ноги...
- А тяжести кто потянет?
- За ослами все забыли об Ахмеде-Ахае...
- Зачем о нем помнить? Сам о себе вскоре напомним...
- С таких малых штучек, рассказывают наши отцы-деды, начинал свои путешествия сам молодой Ходжа Насреддин.
- Тоже удивлял всех?
- И смешил... С ослом соревновался... Жаловался на же-ну... Смешил...
- Нет, Ахмед-Ахай – наглый юнец! Насмешник! – крича-ли мелкие торговцы на городском шуке.
- Идет точно стопами деда...
- Какого деда? Он самозванец!
- На все воля Аллаха! Повелит Аллах – пойдет Ах-

мед-Ахай прямо стопами Ходжи Насреддина!

По неуточненным сведениям, и сейчас еще в родном кишлаке Озенбаш живет старец Ахмед-Ахай. Скромничает. Человек из народа. Для маскировки, внешнего удобства косит под простака – великий он пересмешник! Генератор смехо-идей! Ничего не принимай на веру – ожидай подвоха! Приободришь при удачной шутке.

Слезный фонтан

Отдельные явления природы, изделия рук человеческих входят почти навечно в историческую сокровищницу культурного наследия человечества. Только Высшие Силы распоряжаются над ними, ограниченное условностями Время оставляет свои отметины – почти не властвует.

Исторические свидетельства и легенды удостоверяют: полуостровом Крымом правил грозный, даже свирепый хан Кырым Гирей. Этот беспощадный правитель ни с кем не считался, никого не жалел, не щадил. Хан Кырым Гирей совершал набеги на соседей, выжигал окрестности, оставлял покрытые пеплом почвы – все выгорит дотла. Слезы матерей, мольбы о пощаде не трогали сердце, не касались его жестокости. Трепетали люди от одного его имени, животный страх пробегал украдкой впереди каждого движения хана.

Хана Кырым Гирея не пугала его грозная репутация. Прослышит хан отзвуком вернувшуюся молву – не огорчается,

даже радуется:

– Это хорошо – бояться. Пусть слава бежит впереди, предупреждает – враги не нападут!

В любом народе проживают немногочисленные мудрецы. Даже в молчащем ханстве проживают мыслящие люди – без них общество не может развиваться, проявляться, видоизменяться... И среди самых покорных ханских слуг берегли себя естественные умники – над ними не властны ханские самодурства. Умники, действительно мыслящие, многоопытные люди на полном серьезе считали: у каждого человека обязательно есть сердце, нет людей без сердец! Пусть даже каменное у человека сердце – отзовется каменным треском. Железное сердце – имеет металлическое звучание. И у Кырым Гирея есть сердце – подобно комку шерсти – теряется звук при прохождении через плотный комок шерсти.

Естественные законы жизни одинаковы для всех, даже ханы им подвластны. Постарел хан Кырым Гирей, не успел вовремя свершить все свои земные дела. Подчас сожалеет он: прошлые упущения обидны, так бездарно растратил время. Тут еще появился повод для раздумий: в гарем к старому хану доставили невольницу – худенькую, возрастом девочку по имени Дияры-Бикеч. Держится она строго, не старается понравиться хану, как обучает ее евнух. Лаской не согревает, любовью тело старого хана. Понять, объяснить не смог сам хан – в определенный момент запылало страстной любовью к этому недоростку чувственное его сердце. Хан впервые

в жизни почувствовал импульс жизни этого своего прежде бесчувственного сердца, даже страдает по причине ее отрешенности, не полного к нему внимания.

Много они говорили. Оказывается, чувственность проявляется и в словах. Вот только недолго в неволе прожила Диляры-Бикеч. При всем недостатке остро чувствовала она отсутствие солнечной теплоты, жизненной радости... Увяла, словно лишенный влаги горшечный цветок. Глубоко перенес хан сердечную боль, не смог выздороветь.

Хан Кырым Гирей вызвал из Персии лучшего мастера-каменотеса пленника-иудея Омера. Не как властный хан, а мужчина с чувственным сердцем он раскрылся, попросил мастера:

– Пусть камень через века пронесет мое горе... Позволь камню заплакать, как плачет мужское мое сердце.

– Хороша была девушка? – все сразу понял, «доступностью» властного клиента воспользовался, спросил Омер откровенно сочувственно. Решает в творческом сознании форму, сущность заказа, метод воплощения.

– Что ты хочешь знать о ней? – ответил хан с несвойственной простотой. – Она была молода... Журчащий источник! Прекрасна, как солнце на рассвете. Изящна, как лань. Кротка, как голубь. Добра, как мать. Нежна, как утро. Ласкова, как дитя. Тебе все понятно, мастер? Соберись!

– Заплакало твое сердце – заплачет и камень, – заверил Омер. – Есть душа в тебе – нужно открыть душу в камне. Ты

хочешь свою слезу перенести на камень? Хорошо, это сделаю. Камень заплачет настоящими слезами!

Омер верно служит Господу – слов на ветер не бросает. На мраморной плите он вырезал, словно живые, несколько лепестков цветка, а в центре – вместо пестика – поместил изображение человеческого глаза. Напряженный глаз выдавливал тяжелую мужскую слезу на упругую грудь камня. Постоянно, день и ночь, годы, десятилетия, века – беспрерывно струятся слезы скорби, ожидания, надежды... Рядом Омер вырезал улитку – символ сомнения. В скорбный час хана Кырым Гирея одолевали сомнения: почему он так ничемно распорядился своей жизнью? Чего добился? Что еще способен изменить?

О савроматах

История о савроматах долгая – о ней рассказал Геродот. Эта история связана с другой, не менее красочной историей об амазонках.

Эллинам выпала судьба сразиться с амазонками. В битве при Фермодонте они победили этих «воинственных дамочек», везли их пленных на трех кораблях, но амазонки оказались коварными: напали в море на охранников, мужчин-эллинов перебили. И с теми амазонками случились другие приключения: изводила их морская болезнь, не знали они совсем корабельного дела, не умели ставить паруса, пользо-

ваться кормилом, даже не умели грести – силенок не хватало, да нет навыков слаженной работы... Амазонки – этого у них не отнимешь – перебили мужчин-эллинов, но управиться с кораблями не смогли – носило их по волнам, оказались в полном управлении стихии ветров.

В свободном плавании прибыли они к Кремнам, к берегам Меотийского озера. Размещены здесь владения скифов. Амазонкам в определенном смысле повезло: сошли с корабля на сушу, тут без особых приключений обнаружили пасшийся табун лошадей. Находчивые амазонки применили силу, «приватизировали» лошадей. Развернулись удачливые наездницы, верхом, конницей понеслись грабить Скифию.

Но вскоре скифы воспрепятствовали самоуправству амазонок, вступили с ними в сражение. Не знают они языка пришелок. По внешнему виду низкорослых амазонок посчитали за юных мужчин. Обнаружили – уже после сражения, по трупам, – что амазонки – женщины. Не выпадало скифам прежде сражаться в открытом бою со столь отчаянно, умело сопротивляющимися женщинами. Никогда не считали скифы за большую для себя честь воевать с женщинами: противник мало достойный для них уважения. Оказывается, сами амазонки отчаянно сражаются в бою – достойные уважения противницы.

Посоветовались скифы между собой, решили: больше с амазонками не вступать в открытое сражение, их не убивать. Послали к ним самых молодых своих мужчин числом

примерно равным амазонкам. Расположились скифы лагерем рядом с амазонками, повторяли примерно их действия. На ответ их не провоцировали. Получили приказ: уходить от преследований амазонок, их не провоцировать. В настоящее сражение не вступать. Задание каждого воина: сблизиться с амазонкой – пусть каждая женщина родит им детей.

Постепенно юноши-скифы начали приближаться к лагерю амазонок. И те скоро поняли добрые намерения молодых скифов, не ожидали от них злых действий. Юноши и амазонки постепенно начали общаться, переходили в соседние лагеря. Разбрелись парами, начали вместе заниматься охотой, грабежом и любовью. Другие амазонки в полуденный час начали расходиться из боевого лагеря – по одной, парами... Подобные действия повторяют молодые скифы. Молодые воины смело приближаются к одиноким амазонкам – те их не отталкивают, позволяют вступать в интимную связь. Друг друга словесно не понимают – жестами договариваются о будущей встрече на следующий день в тех же самых местах. Иногда амазонки приходят с подругами, а скифы с приятелями, вместе они договариваются об общей встрече.

Встречи продолжаются. Юноши приручают все новых девушек-амазонок. А через некоторое время оба лагеря соединились: молодые люди уже жили парами, словно создали семьи. Самое трудное в их новых отношениях: не понимают язык друг друга, понятное общение проходит только с помощью жестов.

Через некоторое время молодые мужчины объяснили амазонкам: у них есть родители, почти каждый имеет гражданскую профессию, владеет имуществом. Они больше не хотят вести быт в неустроенном смысле. Предложили: «Живите вместе с нами, в наш народ переходите». Обещают жить только с избранницами, никакие другие женщины их больше уже не заинтересуют.

Некоторые амазонки пояснили: «Мы – совершенно другие женщины: не сможем ужиться с вашими матерями и сестрами. У нас разные обычаи. Мы обучены стрелять из лука, прицельно мечем дротики, ездим верхом... Нас не обучали женским профессиям. Ваши женщины не умеют делать ничего, чему мы обучены. Нет, мы не сможем вечно жить в повозках, заниматься домашним трудом... Не можем мы не выходить на охоту, не участвовать в сражениях... Не сможем мы общаться, ладить с вашими женщинами. Вы хотите считать нас вашими женами – мы согласны, но при одном условии. Заберите у родителей и родственников свои части имущества. Мы посчитаем себя справедливо наделенными. Вернитесь – станем жить совместно».

Юноши послушались, исполнили условия своих жен-амазонок, принесли причитающуюся им часть имущества. Но их жены-амазонки выдвинули новые условия: «Мы находимся в страхе, опасении... Следует нам оставаться жить в этой стране? Изначально мы опустошали вашу землю. Ведь лишили мы вас родителей, отняли часть семейного имущества. Коль

вы хотите оставаться нашими мужьями, мы станем вашими женами, но при условии: уйдем вместе из этой страны. Перейдем реку Танаис – там поселимся». Юноши согласились и на это условие.

Согласные пары перешли Танаис, отправились на восток. Поселились они на равном расстоянии между Танаис и озером Меотида – в направлении ветра северного. От каждого из этих пунктов они расположились на расстоянии трех дней пути. С тех пор молодые пары заселяют новую местность. Со времени их поселения жены савроматов продолжают привычный для них образ жизни: связаны с охотой и военным ремеслом. Они носят мужскую одежду и ходят на войну. Языком савроматов стал скифский, но говорят они часто с ошибками. Причина простая: амазонки слабо усвоили язык мужей. Относительно брака у них установилось строгое правило: девушка выходит замуж только при том условии, что ей удастся в честном поединке, в сражении, при случае заманить, убить мужчину-врага.

Справедливая, но жестокая Гикия – героиня Херсонеса

Мстительность, коварство, фантазия женщин в сочетании с творческими приемами разнообразными имеет давний исторический опыт: никто не назовет первый случай мести женщины, да и самый из них яркий, запоминающийся, из

ряда вон выходящий. Одни женщины-«героини» своих мужчин кастрировали, а другие убивали разными «подходящими способами», самыми жестокими – по позыву представлений собственных диких инстинктов.

Легенды оставили в людской памяти несколько характерных эпизодов из истории славного города Таврии Херсонеса. Являлся он колонией – в смысле привнесенного извне демократического общественного устройства. Но при этом, как положено самими соперничающими, конкурирующими богами, существовало в городе имущественное неравенство. В те благие времена многолюдным, веселым, бурно развивающимся Херсонесом правил первый архонт Ламах. По достоинствам своим и способностям значился он удачливым. По должности и предприимчивому рассудку ни в чем не знал он нужды: добился огромного богатства, пользовался почти безграничной властью, не считал слитки золота, серебра, не держал в памяти названия земельных участков, поголовье скота... Все прибывало, находило отражение в амбарных книгах, да знали точно всякие живые числа, вели должный учет специально уполномоченные казначеи ведомства.

Ламах больше упивался властью, а богатства слабо тешили его душу: не очень он материальному доверял, пользовался благами жизни, и все! Золотых тельцов не превращал в кумиров. Отделял он резкой чертой все «мертвое», даже ценное, от живого.

По постоянным донесениям знал немного Ламах о своем соседе Асандре, царе Боспорского царства. Вел с ним отдельные дела – не дружил. А тот Асандр – должен знать Ламах – самый больший его завистник, ненавистник. В свое время Асандр воевал против Херсонеса – не победил! Он остался в мстительной обиде, черной зависти, злом недоброжелательстве... Очень скрытный царь прятал обуревавшие желания, страсти, прочно скрывал свою сущность, умел тщательно таить глубоко в себе гнездящуюся куртинами, беспричинно все разрастающуюся, казалось, слепую, коварную мстительность.

Прямые действия против Ламаха не помогали Асандру, тогда решил он действовать «открыто», добиться желаемого результата хитростью. Составил он на долгое время хитроумный план постоянного действия. У Ламаха дочь Гикия единственная. Вполне в соответствии с демократическими традициями времени царь Асандр предложил гражданам Херсонеса породниться: выдать красавицу и умницу Гикию за взрослого своего сына. Асандр надеялся: не отличающийся могучим здоровьем Ламах вскоре умрет, тогда сын его станет правителем города – осуществляться сами собой все его планы, желания, Херсонес упадет к их ногам, а с ним все богатства семьи Ламаха.

Праведные, легковерные, даже наивные херсониситы хотели дружить с соседями, нисколько не подозревали о зреющем плане Асандра, без душевного волнения, обществен-

ного конфликта легко согласились на брак сына боспорского царя с богатой наследницей, женщиной свободных нравов Гикийей. Только выдвинули одно ограничительное условие для брачного договора. Кажется нелепым: с момента его заключения муж Гикийи становится невыездным гражданином, границы Херсонеса ему не позволят покидать для короткого свидания даже с родным отцом. Посчитали этот пункт для себя неопасным боспорцы, без колебания приняли условие. Сын Асандра женился на царевне Гикийи.

Как многие предполагали, Ламах умер вскоре, через два года. Созвали совет именитых граждан Херсонеса. Управление городом поручили не сыну Асандра, а уважаемому херсонеситу Зифу, сыну Зифову. Так в один момент демократы Херсонеса отбросили хитроумный план царя Асандра. Ничего он поделать не может: опротестовать демократическое решение самоуправляемого Херсонеса нет возможности. Тем более что оно получило всенародную поддержку за взвешенную мудрость.

Муж Гикийи сильно опечален – не потерял полной надежды, верит в свою звезду, непременно счастливая судьба приведет его на высшую ступень власти, в некий счастливый момент свалится в руки руководство государством-городом, ничем не ограниченное. Не надо изнурять себя бесполезной работой – копить силы и в полной уверенности ожидать счастливого случая, а удача непременно клюнет острым кончиком своего клюва.

Прошел год со дня смерти Ламаха. Все еще опечаленная кончиной отца Гикия высказала желание торжественно почитать память отца. Городской совет принял участие в поминках Ламаха. В светлую память отца Гикия проявила всю щедрость своей натуры: открыли кладовые богатых усадеб, на массовых мероприятиях раздавали без платы приходящим со скорбью гражданам вино, хлеб, сыр, оливковое масло, мясо, рыбу... По причине уважительного отношения к памяти недавно усопшего управителя города, всеобщей скорби торжества в честь памяти Ламаха решили проводить ежегодно – в качестве дня скорби, памяти.

Этим случаем решил воспользоваться муж Гикий – для собственной пользы. В Пантикапей сын послал к отцу Асандру своего верного раба. План его кажется совсем простым: отец станет отправлять регулярно морем десять-двенадцать натренированных воинов с подарками для Гикий. Входили в бухту Символов лодки боспорцев скрытно, лошадьми перевозили подарки, воины невооруженные сворачивали с дороги, тайными тропами со стадами Ламаха через отдельные ворота пробирались в Херсонес, а уже затем так же тайно пробирались во дворец Гикий. Обширный подвал муж Гикни приспособил под скрытное жилье своего личного воинства.

И вот во дворце за два года собралось достаточно многочисленное воинство заговорщиков – почти двести воинов. Муж Гикий готов выступить не только против жены, но против всей общественной структуры демократического Херсо-

неса: организованной силой заговорщиков свергнуть народо-властие. Сын Асандра посчитал: в день памяти архонта Ламаха херсонеситы все поголовно изрядно напьются, даже накачаются бесплатным виноградным вином – они останутся веселиться до позднего вечера. Как только все улягутся спать, муж Гикий выведет на улицы свое достаточно многочисленное воинство, захватит весь город. А к этому времени флот отца Асандра войдет в порт, пристанет к пристани, неожиданно нанесет коварный удар по Херсонесу. Завершится заговор удачей, а отцу Асандру и его сыну останется праздновать победу. Завершившие победой заговорщики совершат мгновенно передел власти. Херсонес вернется к традиционному царистскому управлению, станет частью Боспорского царства, как ему уготовано самой судьбой.

Заговор возник опасного свойства и даже в определенный момент имел шанс на успех, но... Как часто это «но» включается в, казалось, размеренный ход событий, занимает положенное ему место, даже высказывает категорически свое положенное, случайно занятое место в событиях, даже невероятным способом вмешивается, парадоксально влияет на одно из мировых происшествий и может направить развитие по совершенно другому пути. Тот «другой путь» вдруг становится самым «правильным», а с позиций прошедшего – даже «классическим». Без дара предвидения поди пойми заранее историческую закономерность не только в марксистско-ленинской, «абсолютно истинной», идеологически вы-

держанной, даже в диалектически-материалистической, научно-теоретической манере ее интерпретации. Философия, словесная разрядка очень даже помогают построить верную канву мысли, разобраться в хитросплетениях жизни, поставить всех участников событий на места свойственного им значения.

Положено в данном случае «лирическое отступление» для уяснения полноты картины.

По причине чрезмерной усталости, старательности или нерадивости нрава провинилась любимая служанка Гикий. Последовало наказание: прикрепили к занятию ее, но затворили на определенное время в надподвальной комнате – пусть потрудится, одновременно серьезно подумает о поступке, еще на досуге подумает о перемене поведения. Таков дополнительный воспитательный эффект данного наказания. Служанка исполняла задание – пряла лен. Много в занятии однообразия, механических действий. Допустила оплошность – уронила пряслице, оно покатилося к стене и, на пути качения не остановленное, провалилось в глубокую щель. Попыталась служанка ручкой освободить из плена пряслице – не смогла. Догадливая служанка применила сноровку, даже силу – вытащила кирпич наружу, достала пряслице... Еще больше ее удивило другое: она слышала мужские голоса, наклонилась, в проем увидела по пояс обнаженных молодых людей. Каждый имел вооружение, определенный предмет. Они о чем-то спорили, просто общались? Что

за люди?

Служанка проявила благоразумие: кирпич аккуратно опустила на место свое. Как поступить дальше, она пока не решила. Воспользовалась маленьким шансом, связалась с подружкой, попросила ее передать госпоже... Лучше даже ее вызвать... Явилась Гикия, поняла сразу: в ее доме замышляют нечто...

Гикия срочно собрала совет старейшин города (признаюсь, относительно спокойными являлись те времена: любопытные журнационалистники не сбегались при каждом случае), сообщила им:

– Я открою вам тайну. Мой муж от отца своего унаследовал ненависть к нашему городу, тайно он привел в дом много вооруженных боспорцев. Как я догадываюсь, в день памяти моего отца они намерены захватить город. Скоро этот день, – продолжила Гикия. – Мы проведем его как обычно. Приходите в мой дом, веселитесь – пусть враги ничего не заподозрят. Однако пейте и знайте меру и об опасности не забывайте. Дома у каждого должны быть припасены хворост и факелы. И когда я дам знак, надо кончать пир, вы разойдетесь по домам спокойно. Раньше обычного велю закрыть ворота. А вы тотчас слуг с хворостом и факелами высылайте – пусть они обкладывают весь мой дом, выходы все и входы. Чтобы дерево быстро загорелось, велите облить его маслом. Когда я выйду, вы зажжете хворост, а затем окружите дом и будете следить, чтобы из них никто не вышел живым.

Так условлено. В день памяти Ламаха население города целый день на улицах веселилось. Гикия щедро раздавала вино на пиру, часто угощала мужа, сама не пила: она приказала наливать себе воду в пурпурную чашку – по цвету содержимого вода казалась вином.

Наступил вечер... Вроде утомясь, жители разошлись по домам. Гикия позвала мужа отдохнуть, он охотно согласился – старался не возбудить в ней никаких подозрений. Она велела закрыть ворота и все выходы, тотчас начали выносить из дома одежду, золото, драгоценности... Гикия дождалась – все в ее доме успокоилось. Заснул опьяневший муж. Гикия вышла из спальни, за собой дверь заперла. Позвала слуганок, вместе с ними оставила двор. На улице она приказала поджечь дом со всех сторон. Огонь быстро охватил все здание. Попытались спастись боспорские воины – убивали их на месте.

Так Гикия пожертвовала домом, родной Херсонес избавила от смертельной опасности. Граждане благодарные не забыли о подвиге своей соплеменницы – на главной площади поставили Гикии две статуи. На первой она сообщает о заговоре мужа. На второй подобна амазонке: вооруженная, в доспехах мстит заговорщикам.

Анна Головина (Анна Войтенко)

Родилась 5 июня 1975 года в г. Красноярске.

Поэт, детский поэт, детский писатель, сценарист. Лауреат международных фестивалей и онлайн-конкурсов. Образование высшее. Окончила Киевский национальный университет им. М. П. Драгоманова, факультет филологии.

В 1999 году принимала участие в издании первых номеров евпаторийского альманаха детского и юношеского творчества «Солнечный зайчик».

В 2001 году стала редактором альманаха православного творчества «Благовест».

С 2004 года по 2009 год – исполнительный редактор газеты евпаторийского благочиния «Путь к храму».

С 2007 года по 2013 год для воскресной школы евпаторийского благочиния написано 12 рождественских и пасхальных сценариев в стихах. Все спектакли сыграны на городских сценах.

Тишина

Ко мне сегодня приходила тишина.
Она меня укрыла ватным пледом,
Не дав пройти за мной идущим следом
Ни проигрышам, ни моим победам.
И села караулить у окна.

В окно стучалась пьяная любовь.
Кричала что-то о кошачьем марте,
О крыльях, что обрезаны на старте,
О памятных местах на крымской карте,
О тщетности и силе нежных слов.

За нею следом приплелась мечта.
Спиною села, явно обессилев.
Явив рубцы косые вместо крыльев,
Из глаз роняла слезы крокодилы
И уличного гладила кота.

Ответственность пришла, а с нею долг.
С любовью и мечтой затеяв драку,
Они спустили на кота собаку,
В решительную перешли атаку,
Чем перебранке подвели итог.

Я этим всем давно сыта сполна.

Все за окном кричало и кружилось,
Но до сознания так и не пробилось.
А я спала, мне просто счастье снилось,
И сон мой охраняла тишина.

Двое

Я не хочу делить тебя ни с кем,
Да и собой устала я делиться,
Менять «пароли», «явки», ждать и злиться
И думать, кто мне нужен и зачем.

Я надвое себя устала рвать,
Гадать, любима или не любима,
И снова ждать, а счастье как-то мимо,
Так мимолетно, что не удержать.

Злодейка

В один из дней ко мне пришла любовь.
И мне бы гнать мошенницу из дома.
Она – злодейка. Это аксиома!
Но я открыла дверь без лишних слов.

Теперь везде таскается за мной
И о тебе все шепчет мне на ухо,
Врет про себя: любовь, мол, легче пуха,
Все розовой задернув пеленой.

Мы с ней вдвоем от ночи до утра
Перебираем все слова и взгляды,
И душ прикосновений мириады,
И те мгновения, где была искра.

Мне кажется, прошло немало лет.
Так день за днем, неделя за неделей
Я с ней живу, безумной, оголтелой.
И тень ее давно мне застит свет.

Она теперь мой каждый вздох и шаг,
На мыслях всех моих оттенком грусти,
И я все жду, а вдруг она отпустит,
Как будто бы она мой злейший враг.

Любовь пришла, никто не виноват,
Ты вряд ли подослал ее нарочно.
Она сама явилась. Неурочной.
И день за днем теперь все бьет в набат.

Но я давно и все прощаю ей
За теплый взгляд, за нежности мгновенья,
За трепет твоего прикосновения,
За те часы, когда была твоей...

Акула

Я акульки растила зубы,
Неспроста во много рядов.
Были люди со мною грубы,
Я кусалась без лишних слов.

По природе я мягкотела.
Мягкотелость – почти что грех.
Я, как многие, тоже хотела
Популярною быть у всех.

Я кусалась, а ночью подушке
Не жалела акульих слез.
Что ж, друзья мои и подружки,
Те, которые не всерьез,

А хотите я сердце выну
И отдам вам его навек?
Тяжело быть наполовину...
Ни акула, ни человек.

Бриллиант

Я бриллиант, нет, я не горд,
Я просто строг, я просто тверд.
Есть много граней у меня,
Играю ими, вас маня.

Другая

Ты заметил, что другою стала?
Печью, прогоревшею дотла.
Я как золушка, но только после бала,
Зря надеялась, любила и ждала.

И какой бы вечер ни был сводней,
Я сегодня «на своей волне».
Просто ты всегда такой холодный,
Этот холод передался мне.

Заморозило истерзанные мысли,
Губы инеем подернулись слегка.
И несказанными в воздухе повисли
Все слова, как будто облака.

Нет, пока еще любить не перестала.
Только как тепло мне уберечь?
Мне твоих углей холодных мало.
Сердца ими больше не зажечь.

Не горят рассветы и закаты.
Нежный трепет не запустит дрожь.
И бессмысленна моя любовь, когда ты
Так же просто мною не живешь.

«Весна, любовь – все в двух словах...»

Весна, любовь – все в двух словах.

Гуляет ветер в головах.

Висят в шкафу пальто и шубки,

Становятся короче юбки.

Задорнее и звонче смех

Становится почти у всех.

И взгляд случайный жжет огнем.

И думают о «ней», о «нем».

Осень

Осень сочных красок на палитре
Закружила яркий хоровод,
Златокудрая, в багряной митре.
Боже, как ей это все идет!

Свежий вечер, алые закаты
И небес лазурь и глубина.
Помнишь, как любили мы когда-то
Все, что нынче выпито до дна?

Все, что отцвело и отболело,
Все, что сорной выбилось травой,
Отчего так сладко плоть горела,
Распрощавшись с трезвой головой.

Нет претензий, никаких вопросов...
Мы ведь знали это наперед,
Что за жарким летом сразу осень
Закружит последний хоровод.

Я надежды больше не лелею.
И ночами очень крепко сплю.
Не зову, не плачу, не жалею,
Но пока по-прежнему люблю.

Представь

Представь, что в мире нет меня.
Все то же утро, тот же вечер,
Давно назначенные встречи,
Хардкор, поездки, беготня.
Все так же ярко солнце светит,
И время даже не заметит,
Как припустило, семена.

Дела – мышинная возня.
А снег весной все так же тает,
Любви все больше не хватает,
И счастья нет день ото дня.
Все тот же отдых, быт, работа,
И понедельник, и суббота,
Но в них всего лишь нет меня...

Футбол

*Президенту Крымского футбольного союза
Ю. А. Ветохе*

Как мало надо для души!
Один лишь мяч.
По полю ты за ним бежишь.
И длится матч.
И сладок этот тяжкий пот.
Прогонит враз
Весь груз твоих дневных забот.
Обрывки фраз.

Опять ты молод и силен.
И снова горд.
Ты скажешь: «Этим окрылен.
Любите спорт!»
Вновь радостью в тебе звенит
Забитый гол.
А это просто говорит
В тебе футбол.

20.09.2017

Крымская весна

Мы, дети, слышали слово «резня».
Сказали, ей будто бы быть.
Еще во дворе говорит малышня,
Что скоро нас будут бомбить.

Мы, дети, слышали, наши отцы
На смерть собирались всерьез.
И плакали мамы:
– Ведь вы не бойцы...
Глаза утирая от слез.

Мы, дети, слышали, будет война
И всех нас затопчут в пыли.
Но вместо войны наступила весна.
И души у всех расцвели.

Мы русские люди, тебе мы под стать.
Прими нас, родная страна.
Мы живы, цветом, обнимает нас мать!
Россией зовется она!

Вежливые люди

В непростое время вежливый закат.
Вежливые люди вежливо стоят.
Автоматы держат вежливо они.
Быстро к нам приходят вежливые дни.
Вежливо хранили наш покой и сон.
Вежливо положим им земной поклон.
Вежливо запомнит тихий подвиг Крым.
Вежливые люди, вы навеки с ним!

Фанатик

Не друг, не враг, а гость незванный
Опять стучит в мой тихий дом.
Зайдет и, словно холодком,
Заботой окружит обманной.

Вещает с Библией в руках.
Сулит покой и силу духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.